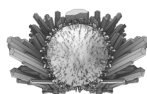
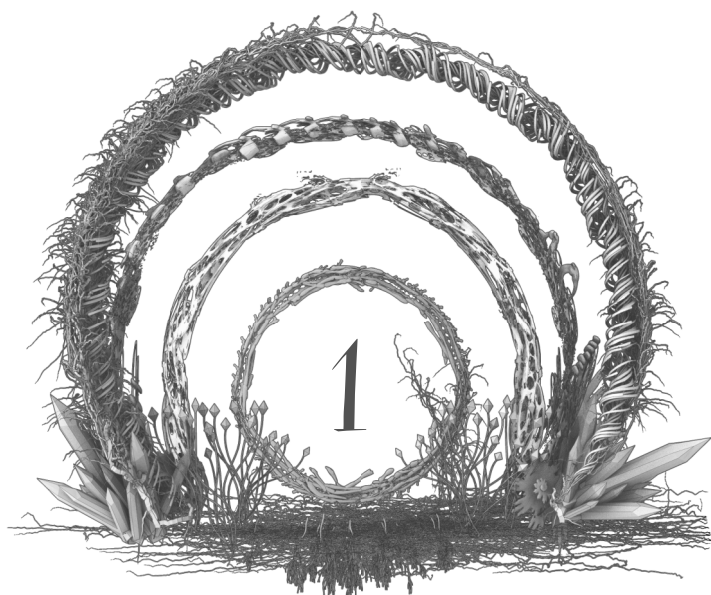

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	29
ГЛАВА 3	63
ГЛАВА 4	86
ГЛАВА 5	101
ГЛАВА 6	124
ГЛАВА 7.	147
ГЛАВА 8	161
ГЛАВА 9	175
ГЛАВА 10.	191
ГЛАВА 11	213
ГЛАВА 12.	233

Выпь вернулся с прозаром. На последней стоянке случился обломный дождь; одна из синих спутанных молний клубом грянула в сердце гула. Не обожгла, но разбежались-раскатились перепуганные овдо, распался гул. Выпь после этого два ока не ел, не спал — сбивал обратно в гул своевольный скот. Горло *голосом* надсадил.

Плохо, что люди слышать его могли.

От мысли этой Выпь хмурился, сердито кусал обветренные губы.

Нелепый долговяз, пришлый чужак, но с овдо никто лучше него не ладил. Правил не руками, не крючьями пастушьими, одним только *голосом*. За эту отличку его и сторонились. Низкий, в цвет подземному рокоту, он нагнетал беспричинный страх — стыло сердце, слабели ноги, холодом тянуло

по хребтине. Кому бы понравилось? Выпь с таким придатком родился, и помереть, видать, с ним суждено было.

О внушаемой людям неприязни Выпь знал, разговаривал всегда глухо, почти шепотом, в глаза не глядел — и все равно пожимались собеседники.

В стане Выпь появлялся реже редкого, выбирал уходить с гулом на индовые пастбища. Веком и оком, в тепло и в хмарь Выпь гнал овдо по самым диким лугам. Гул пасся, накапливая драгоценную живицу. В чистом виде людям она не давалась, а вот из овдо надоенная могла и болезнь вылечить, и урожай хороший привязать, и — случалось — погоду выправить. Строптивные и верткие шары Выпь слушались, в добром настроении слетались по первому зову, а если безобразничали, бодались с лету, сшибались или в прятки играть затевали — Выпь и тут находил управу.

Доверяли чужаку гул, точно знали, что вернет в срок, один к одному, сытых, нагулянных, хоть на торжище отправляй.

Полезный был парень, да только дружбы никто с ним не водил. Бирюком проживал. Собой нескладен, сильно костляв, сутул, скуласт, глаза имел нехорошие, светлой охристой желтизны. Жесткий волос — рыжевато-коричневый, словно песок грязный, — всегда в беспорядке был, будто щетки не знал. От коренастой чернявой породы местных Выпь отличался, но так умел на местности же затаиваться, что с двух шагов не углядишь.

Пока гнал овдо главной улицей, не знал, куда глаза девать от привечающих. Отвык за пару паль-

цев, да и капюшон на лоб тянуть неприлично уже было. Навстречу гулу сам староста с работниками вышел, не поленился. Быстро окинул цепким взглядом стадо, довольно огладил холеную крашеную бородку. На правой кисти сидели каменные кости-кольца — знак большого достатка.

— Здорóво, парень, — молвил дружелюбно, но руки не подал. — Мы уж думали, не ждать тебя на этой длине, гроза-то какая лютая прошла — Полог выбелило! Думали, перемычешься с ребятами под камнями, переждешь.

— Ага, — буркнул Выпь, исподлобья косясь на любопытную ребятню, сбежавшуюся к Дому старосты.

Открытые рты, блестящие глазенки, ерошистые, словно зверята малые... Им и овдо, и сам пастух — все равновесно любопытно было.

— Матка у них нарождается, — глухо сказал Выпь, — ока два трогать нельзя.

— Матка? — обрадовался известию староста. — Ну и чудно, раньше положенного! Да оно и к лучшему, что до холодов: отлежится, откормится... Ступай тогда, отдыхай, в загон поставить мы и сами управимся. Эй, лентяи! За работу, живо!

Помощники мешкать не стали, в шесть рук погнали сытый гул в красный улей.

Выпь ждал.

Староста смекнул, что тот неспроста перед ним красуется настырно, столбом маячит. Нюхоток, пора расчета. Закряхтел староста значительно, поманил ближе:

— Ты слушай... Ты молодец, кроме тебя, никто так со скотиной моей не справляется. Ишь как раз-

добрели, любо-дорого посмотреть. — Староста повернул голову, провожая взглядом гул. — Через палец тоже с моими пойдешь, уговор?

— Это посмотреть надо, — не поднимая глаз от слежавшейся дорожной пыли, буркнул Выпь.

— На вот, заслужил, заработал. — Староста честь по чести вручил ему тугой сверточек с дарцами.

Выпь не стал пересчитывать, обвычкой ярмарочных торгашей трясти над ухом, молча спрятал за пазуху. Пастуха обманывать себе дорожке выйдет, про это все знали.

На том, однако, староста не закончил. Придержал жестом.

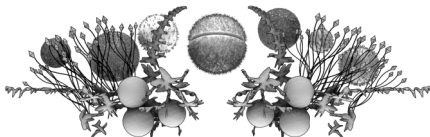
— И вот еще. К моей младшенькой нови нынче съезжаются, праздник будет. Выросла девка. Тоже приходи. Хочу с людьми важными свести, у оных гулов — в три раза больше, чем у меня. Важные люди! — Староста значительно блеснул толстым кольцом.

Выпь от неожиданности растерялся, хлопнул ресницами, еле выговорил:

— Ага. Приду. — От людских сборищ он обычно бежал, но старосте перечить не хотел.

— Вот и славно.

Расстались, вполне довольные друг другом.

Выпь жил наособицу, за градой. *Особых* не боялся, выучил, что к крупным станам большие хищ-

ники редко подходили, а на мелких рыкнуть погромче — и хорош.

Пока не было его, Дом застоялся, застудился. Прежде в нем жил какой-то странноватый дед, тоже приبلудный. Или лекарь, или бивец — а скорее, и то и другое. Тихий был старче, в светлый лес ходил за огнем, из медь-травы вещицы чудные делал девкам на радость, детям на забаву. К хворым забредал, смотрел да советовал. За то его в стане подкармливали, не гнали, не обижали. В белую раз исчез, вроде как за огнем ушел, да так и не вернулся. Дом трогать не стали, мало ли что налипло. А в зеленую, как поднялось молоко, вода в Провале, к становью пришатался измученный переходом, полудохлый Выпь...

Он приласкал ладонью шершавый влажный бок, мысленно повинулся. Редким он оказался гостем, плохим хозяином.

Дом вздохнул, открыл проем.

Чудной он был: на вид совсем юный, малый да округлый, а на чуйку старый, словно немало хозяев успел пережить-переждать. Темные живые камни прозывали *тровантами*, умелые люди-сadowsники их в Дома выращивали.

Из всей утвари в Доме только клетка для огня прижилась, стол да подстилка с укрывашкой — два плотных плавника, которые зеленки две тому назад из Провала вытащили, хорошенько под Пологом просушили да отделали. Выпь, выбивая из них скопившуюся пыль, все думал, какому такому особому могли эти шкурки принадлежать. Ведь ходит же кто-то под ними, на самой-самой глубине Сиаль,

живет, охотится, ест-спит, линяет вот еще, судя по всему...

Тщательно вычистил Дом изнутри, и тот благодарно затеплился, не избалованный внимательной лаской. Выпь поразмыслил, стоит ли идти в лес за огнем или в стане испросить. Решил, что до темноты запросто успеет, тем паче что Полог только-только в белое окрасился.

Лес стоял у стана и был как бы сдвоенным. В око его лик хранил в себе огонь, люди безбоязненно ходили туда ломать тонкие веточки пламени, сажали их в клетки, кто посмелее — в горшки. Резали бороды лесных качелей, после ткали из них, крутили пряжу, справляли одежду, полезную бытовую приблуду. Детей без страха отпускали — поиграть на звонкой стеклянной траве, накопать вкусных мореных червецов, с ножа надоить густое древесное молоко. Но как темнел Полог, начинался лес сомкнутых век — гулкий, страшный, лихой, в котором не было ничего хорошего и куда постоянно тянуло овдо.

Выращивать огонь у Выпь сноровки не было, оттого вместо горшка прихватил с собой легкопрочную шар-клеть. Некоторые ловкачи приспособились резать пламя плоскими ножами, но все знали, что такой огонь долго не живет, да и светит-греет неохотно, вполсилы. Брать огонь можно было только честно, голыми руками, боль меняя на свет.

У старосты для этого случая было пятеро услужников с обожженными, нечувствительными пальцами. Огня для большого и богатого его Дома нужно было ох как много.

Были еще, правда, бегучие огоньки, но те на просторе водились, в траве. Их можно было иначе взять: подманить в домик, из веток сплетенный, на сухой корм привадить.

К перелому красной лес густо зарос травами всех мастей, а деревья сошлись так плотно, что даже худощавый Выпь не везде пройти мог. К началу черной они вообще замыкались в сплошную граду и до первого снега стояли так, оберегая от любопытных глаз нутро.

Пахло сухо, волнительно. Между стволами висели качели, где-то томился и вздыхал в-тени-тол-кай. Позванивала, играя на слабом ветру, блестящая стеклянная трава. Деревья стояли недвижно, тяжело разведя ветви со зрелыми, крупными листьями. Огонь Выпь услышал только после долгого блуждания, ближнее пламя уже срезали расторопные становые, пришлось забраться почти в самое лесное сердце. Выпь забраковал два молодых ку-ста — уж больно хлипкие — и остановился у крепкого деревца.

Постоял, настроился. К боли он был терпелив, привычен, да и огонь каждый раз по-разному ку-сал. Мог полущуть обстрекать, а мог и до кости цапнуть.

Взялся. Ломал не жадничая, больше нужного не греб. Пальцы жгло терпимо, в клеть пламя садилось без коварных злых всполохов. Управился скоро, поблагодарил дерево, осторожно взял полную клеть и без лишней поспешки зашагал обратно.

И, уже одолев половину пути, резко остановился, налетев на вязкий, густой запах сласти.

Не веря себе, глубоко, через приоткрытый рот, вдохнул и раскашлялся, словно глотнув патоки.

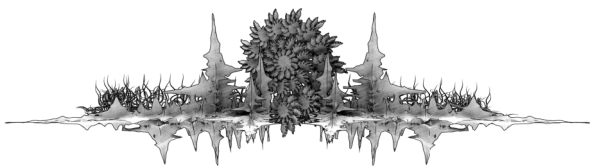
Сладень. Выпь пожался от дурного предчувствия. И как близко от становья, в светлом лесу... Вдруг затянул какого несмышлениша маленького?

Однажды было: сладень поймал мальчишку, сына здешней бывательницы. Успели найти до того, как особый рассосал ребенка полностью, узнать сумели. Обычно от несчастливцев даже пряжки ременной не оставалось.

Выпь замялся, замаялся на одном месте. По-хорошему, огонь следовало нести в Дом, старосте да людям об особом сказать. Искать встречи со сладнем в одиночку — глупее не выдумать... Вот только помнил он слезы матери мальчишки. Сердце у Выпь не злое пока было, к чужому горю памятливое и отзывчивое.

Вздохнул.

И пошел на запах.

Мелкие, юные сладни охотились на мелкую же дичь. Глупых птиц, грызунов, насекомых — растекались сладкой, манко пахнущей лужицей, а когда жертва пробовала угощение, хватали и уже не отпускали. Втягивали в себя и растворяли, прибавляя в весе и росте. Выпь слышал, что где-то далеко встречали сладней размером с небольшой Провал.

А еще говаривали, будто в Городцах богачи сладней специально откармливали, а после ели.

Выпь аж передернуло. Густой сладкий запах сам по себе вызывал тошноту, а уж помыслить о том, чтобы взять это в рот...

Двигаясь и держа нос по ветру, Выпь едва сам не угодил в ловушку. Успел, отдернул ногу, пригладился. Сладень выбрал местом охоты яму под деревом, почти незаметную со стежки. Удачно засидку устроил: и взрослый мог проглядеть. Сладень был занят, поэтому явлению Выпь откликнулся вяло. Впрочем, на целого парня его все равно не хватило бы. А вот на маленькую девочку — вполне.

Выпь видел ее, наполовину затянутую в яму, от головы до пят покрытую мутной розовато-белой жижей.

Как давно? Живая? Мертвая ли?

Не гадать следовало, а выручать маленькую. Благо Выпь знал, как следует обращаться со сладнями. Случалось овдо выковыривать из липких объятий.

Выпь открыл клеть, вытащил свежесорванный прут пламени и с плеча хлестнул особого. Огонь зашипел, хищник тоже. Пахнуло горелой сладостью.

Ага. Не нравится.

Так, орудуя горячим пламенем, Выпь пробивался к жертве. Сладень пяtilся недовольно, пытался наброситься, огрызнуться, но Выпь оставался начеку и больно бил огнем. Одна ветка пришла в негодность, рассыпалась горячими искрами. Выпь извлек из клетки вторую.

Третью.

